

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ Г. Ф. ДЕБЕЦА

25 марта 1986 г. в Институте этнографии АН СССР состоялся Ученый совет, посвященный 80-летию со дня рождения выдающегося советского антрополога Георгия Францевича Дебеца.

Открывая заседание совета, академик Ю. В. Бромлей подчеркнул выдающиеся заслуги Г. Ф. Дебеца в развитии советской науки, его заметную роль в научной деятельности Института этнографии в целом.

Выступивший затем заместитель директора Института С. И. Брук подчеркнул неформальную роль Г. Ф. Дебеца в подготовке научных кадров — антропологов Советского Союза и особо отметил международное признание авторитета Г. Ф. Дебеца как ученого-антрополога, его участие в международных мероприятиях, в частности в качестве руководителя симпозиума ЮНЕСКО по биологическим аспектам расы.

Ниже мы публикуем изложение доклада М. С. Великановой и И. М. Золотаревой, а также прозвучавшие на заседании выступления, которые характеризуют Георгия Францевича с различных сторон — и как ученого, и как человека.

ВКЛАД Г. Ф. ДЕБЕЦА В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Георгий Францевич Дебеч ушел из жизни очень рано, всего в 63 года (он родился в 1905, а умер в самом начале 1969 г.).

В истории развития антропологической науки в Советском Союзе имя Г. Ф. Дебеца занимает особое место не потому, что он долгие годы возглавлял какие-либо антропологические учреждения (институт, кафедру и т. д.). Этого не случилось, если не считать недолгого заведования сектором антропологии Института этнографии (в течение 1964—1968 гг.).

Значение Г. Ф. Дебеца для советской антропологии обусловлено прежде всего характером его личности, ее человеческой сущностью, определившей деятельность Г. Ф. Дебеца как исследователя. Г. Ф. Дебеч относился к тому типу ученых-энциклопедистов, обладавших гигантской эрудицией, высокопрофессиональными знаниями во многих областях биологических и исторических наук, каких сейчас почти уже нет. Он страстно отдавался всем начинаниям, которые предпринимал, рассчитывая по преимуществу на собственные силы.

Из этого, однако, не следует ни в малейшей степени, что это был кабинетный ученый, создававший свои труды в одиночку, избегая суетного шума. Наоборот, Г. Ф. Дебеч широко известен не только как автор ученых трудов, но и как общительный, деятельный человек, оказывавший бескорыстную научную поддержку и помощь многим и многим людям, и не только антропологам.

Хотя прошло уже 17 лет после его кончины, едва ли не в каждой антропологической работе авторы обращаются к идеям, точкам зрения или просто к материалам Георгия Францевича.

В коротком докладе невозможно охватить все стороны деятельности Г. Ф. Дебеца в области антропологии, поэтому остановимся на тех ее аспектах, которые и для сегодняшнего дня не потеряли своей актуальности.

Хорошо известно, что Г. Ф. Дебец, начав свою научную деятельность как археолог, очень скоро стал сочетать ее с исследованием палеоантропологических материалов. Еще будучи студентом-археологом, он занялся изучением неолитических черепов Прибайкалья.

С первых лет занятий в аспирантуре и в последующие годы работы в Институте антропологии МГУ Георгий Францевич начинает осуществлять свою идею о «составлении сводки по палеоантропологии СССР», как он сам это называл. Со времен А. П. Богданова эта область антропологии оставалась почти заброшенной.

Со свойственной ему энергией Георгий Францевич организует сбор палеоантропологического материала. Именно в эти, 1930-е годы Георгий Францевич очень много сделал для того, чтобы сложилось новое, заинтересованное отношение к костным материалам со стороны археологов, раньше зачастую пренебрегавших ими, в силу чего и сборы палеоантропологических коллекций имели случайный характер.

Разработанные Г. Ф. Дебецом методы изучения древнего костного материала в связи с исторической проблематикой сделали палеоантропологические исследования чрезвычайно результативными. Это резко повысило интерес к ним со стороны археологов и стимулировало сборы костных материалов. Много раз Георгий Францевич сам принимал участие в археологических раскопках. Кроме того, он много ездил по стране, так как материалы были рассредоточены по музеям разных городов.

За относительно короткий срок — 10 предвоенных лет — усилиями практически одного человека был собран колоссальный материал, отражавший основные этапы истории расовых типов на территории нашей страны на протяжении разных хронологических эпох. Программа исследования материала была тщательно разработана и проанализирована с точки зрения расоводиагностической ценности каждого признака, т. е. по существу была создана Георгием Францевичем.

Итогом этого поистине титанического труда явилась книга «Палеоантропология СССР», законченная в 1941 г., но вышедшая в свет только в 1948 г. Она и по сей день, спустя почти 40 лет после ее публикации, не только служит настольной книгой для антропологов, но и широко используется специалистами всех смежных дисциплин.

Богатство фактического материала и совершенно новый подход к краниологическому (т. е. биологическому) материалу как историческому источнику позволили автору ставить и решать ряд чрезвычайно интересных и важных проблем этнической истории нашей страны, а также теоретических проблем палеоантропологии, связанных прежде всего с динамикой и закономерностями расообразовательного процесса.

Выход книги ознаменовал появление новой отрасли отечественной антропологической науки — палеоэтнической антропологии.

Георгий Францевич писал в предисловии к книге: «Палеоантропология СССР — материал для коллективной, а не индивидуальной работы» и выражал надежду, что результаты его исследований побудят хотя бы двух-трех антропологов включиться в эту работу. Это было излишне скромно. За короткий срок почти «заброшенная» отрасль антропологии превратилась в одно из самых мощных направлений науки. Уже к концу 1950-х годов, спустя десятилетие после выхода книги в свет, число палеоантропологов превышало два десятка и продолжает расти.

Сам Георгий Францевич остался верен палеоантропологии до конца своих дней. Его деятельность в этом направлении была широка и многогранна.

Много внимания Георгий Францевич уделял теоретическим аспектам антропогенеза, в частности проблеме прародины человека. Он склонялся скорее к полицентрической концепции происхождения современного человека, признавая по крайней мере азиатский и африканский очаги гоминизации. Его идеи не утратили актуальности и по сей день и их обсуждают в дискуссиях о путях и времени процесса сапиентации и начальных стадиях расогенеза.

Велика роль Георгия Францевича в исследовании палеоантропологических находок ранних периодов, имеющих мировое научное значение. Он первым исследовал скелет ребенка из пещеры Тешик-Таш, показав его неандертальскую принадлежность, тесное родство и общность происхождения с европейскими неандертальцами, и подчеркнул теоретическое значение этой находки, еще раз подтвердившей концепцию неандертальской стадии в развитии человека современного вида, а также значительно расширившей ареал палеоантропов.

С именем Г. Ф. Дебеца всегда будет связано исследование важнейших всемирно известных палеоантропологических находок позднепалеолитического времени с территории

СССР: из «Афонтовой горы II» под Красноярском, Костёнковской группы стоянок на Дону, из Сунгирского комплекса погребений под Владимиром.

Особенно велика роль Г. Ф. Дебеца в исследовании серийного костного материала. Одним из основных теоретических завоеваний в области палеоантропологии была его концепция эпохальных изменений. Проблему изучения факторов этих изменений он считал кардинальным вопросом антропологии. Проанализировав огромный, практически весь накопленный к 1960-м годам материал с территории СССР от неолита до средневековья, Г. Ф. Дебец выдвинул и изложил на VI Парижском МКАЭН в 1960 г. гипотезу возникновения грацилизации как следствия распространения земледелия. В то же время Георгий Францевич предостерегал от того, чтобы считать процесс грацилизации абсолютным, полагая, что темп процесса определяется множеством факторов.

Очень много Георгий Францевич сделал для усовершенствования и унификации методики и программы краниологического исследования. Его разработки в этом направлении подытожены в руководстве «Краниометрия», опубликованном в соавторстве с В. П. Алексеевым. Из массы предложенных в разное время и разными авторами приемов и методов была составлена тщательно продуманная оптимальная программа, не чрезмерно громоздкая и в то же время охватывающая многие признаки, которые могли быть полезными. Неоценимо важным было введение в программу определения горизонтальной профилировки лица и степени уплощенности переносья, значительно расширивших возможности расовой диагностики на краниологическом материале.

Придавая большое значение сравнимости данных разных авторов, добиваясь максимальной унификации, Г. Ф. Дебец вложил немалый труд в описание техники измерений, чтобы избежать возможных разночтений и любых неясностей. Если сейчас начинающие палеоантропологи без особого труда овладевают приемами краниометрии, то это во многом его заслуга, результат его заботы о будущем антропологии.

Георгий Францевич всегда стремился к наиболее полному использованию и исследованию палеоантропологического материала. Еще при работе над «Палеоантропологией СССР» он не ограничился краниологической характеристикой, начав изучение и посткраниального скелета, хотя и в неполном виде как из-за скудости материала, так и из-за неразработанности методик его изучения. Столкнувшись с противоречивостью приемов определения длины тела — важнейшего показателя в характеристике физического развития и расового типа древних народов, Георгий Францевич не мог обойти стороной эту проблему.

На основе сопоставления и анализа большого числа данных Г. Ф. Дебец разрабатывает и предлагает универсальную, так называемую «пропорциональную» формулу. Отличие ее от других и преимущество перед ними заключается в том, что она может быть использована в группах с различными пропорциями тела.

Формула роста была лишь частью системы оценки физического развития групп древнего населения по костным остаткам, над которой Георгий Францевич работал в последние годы. Параллельно с поисками закономерностей роста разрабатывалась совершенно новая характеристика — условный показатель объема скелета (УПОС).

В большом ряду групп была установлена корреляционная связь условного показателя объема скелета с весом тела. Таким образом, палеоантропология получила принципиально новый, ценный и очень наглядный признак как для оценки собственно физического развития, так и для расоводиагностических целей.

Как и «пропорциональная» формула роста, этот показатель прошел через массу коррекционных вычислений, имел несколько модификаций, прежде чем обрести окончательную, отточенную, максимально свободную от возможных погрешностей и нареканий форму. В связи с этим можно вспомнить, что Георгий Францевич со свойственной ему самокритичностью и честностью не только не обходил или затушевывал спорные моменты результатов своих изысканий, но, напротив, прежде чем говорить о достоинствах метода, считал необходимым обратить внимание читателя на существующие, по его мнению, недостатки, давая возможность своим последователям идти дальше наиболее экономным путем.

Г. Ф. Дебец указывал на перспективность исследования некоторых морфологических отделов или структур, которые не использовались систематически при межгрупповом анализе, таких, как затылочная область черепа, нижняя челюсть, комплекс так называемых дискретно-варьирующих признаков на черепе.

Проведенные уже после смерти Георгия Францевича исследования в этих направлениях привели к положительным результатам, давая новую информацию, имеющую несоизмеримое значение.

Г. Ф. Дебеч указывал на необходимость поисков «мостов», т. е. тех новых приемов методического характера, которые позволили бы более объективно сравнивать характеристики краниологические и соматологические, особенно групповые. И эти идеи Г. Ф. Дебеца уже начали вводиться в научную практику в форме конкретных разработок.

Другую, не менее значимую роль играли исследования Г. Ф. Дебеца в области антропологии современных народов (соматологическая программа). Кстати, антропометрический бланк Института этнографии, ныне наиболее широко используемый в практике антропологов-соматологов, был разработан Г. Ф. Дебецом.

Г. Ф. Дебеч, пожалуй, как никто другой много сделал для исследования расового состава народов Советского Союза. Не умаляя роли его коллег и современников, следует все же признать, что он обследовал наибольшее число этнических и территориальных групп в составе этносов. В самом деле, Георгий Францевич исследовал народы европейской части РСФСР, Прибалтийских республик, Северного Кавказа и Закавказья, Сибири и Дальнего Востока. Можно считать методическим достижением Г. Ф. Дебеца проведение быстрого по времени и широкого по территории антропологического обследования современных народов, при котором достигается оптимальная сравнимость данных.

Располагая огромным «банком данных» (как сказали бы сейчас), по преимуществу накопленным своими усилиями, Г. Ф. Дебеч брался за разрешение крупных проблем. Для территории Советского Союза, занимающего значительную часть Евразии, взаимоотношения европеоидных и монголоидных расовых комплексов на протяжении разных исторических эпох представлялись Г. Ф. Дебецу особенно важными и требующими своего разрешения. И он сделал в этой области чрезвычайно много — воссоздал широкое полотно взаимодействия различных расовых комплексов от Прибалтики до Чукотки.

Более того, работы Г. Ф. Дебеца за рубежом — в музеях Соединенных Штатов Америки, Франции, Финляндии, полевые работы в Афганистане, беспрецедентные по своему охвату (около 9000 человек, 86 этнических и территориальных групп), — также его вклад в советскую антропологическую науку, а тем самым и в мировую. Многие материалы музейных коллекций лежали без движения по нескольким десятилетиям (древнеэскимосские костяки из Ипиутака и Тигара на Аляске, лопарские серии в Финляндии). Значение соматологических материалов из Афганистана как территории, смежной с Советской Средней Азией, трудно переоценить.

Многое сделал Г. Ф. Дебеч и для разработки расовой систематики. Создана подробная генеалогическая картина рас земного шара, являющаяся, может быть, наиболее признанной.

Будучи крупнейшим знатоком расовой дифференциации человечества, Г. Ф. Дебеч внес большой вклад в борьбу с расистскими уклонами в интерпретации антропологических данных. Касалось ли это типологических построений Яна Чекановского в отношении анализа расовых комплексов или уязвимой схемы Карлтона Кума, позволившей трактовать некоторые расы как более архаические, или даже недостаточно четких в методологическом отношении разделов расовой классификации В. В. Бунака, — Г. Ф. Дебеч всегда выступал с аргументированной, нелицеприятной критикой уязвимых мест.

Именно эта деятельность Г. Ф. Дебеца создала ему международное признание, его неоднократно приглашали в качестве эксперта ЮНЕСКО, он был руководителем симпозиума ЮНЕСКО по биологическим аспектам расы в 1964 г., куратором и автором многих разделов текста «Декларации о расе и расовых предрассудках», принятой на генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже в 1966 г.

Нам хотелось бы подчеркнуть здесь международное признание авторитета Г. Ф. Дебеца как ученого и отметить, что это признание служило во славу всей советской антропологической науки.

С 1960 по 1968 г. Г. Ф. Дебеч — генеральный секретарь международных конгрессов антропологических и этнографических наук, член-корреспондент Парижского антропологического общества. На VII МКАЭН (1964 г., Москва) — генеральный секретарь конгресса. С 1968 г. — вице-президент Международного союза антропологических и этнографических наук.

Дело даже большого ученого может остаться без продолжения, если он не подготовил учеников, не создал школу. Вокруг Георгия Францевича образовывалась творческая обстановка, которая заражала энтузиазмом всех, кто хотя бы ненадолго был вовлечен в круг интересов этого ученого. Он не преподавал на кафедре антропологии (за исключением краткого курса в течение всего двух семестров), но был руководителем аспирантов. Однако учились у Дебеца не только аспиранты, а все, кто работал с ним, бывал в экспедициях, даже просто беседовал.

С полным правом можно сказать, что педагогическая (в широком смысле этого слова) деятельность Г. Ф. Дебеца дала обильные и зрелые плоды: его ученики и ученики его учеников продолжают работать практически во всех академиях союзных республик, и сейчас антропология представляет значимое явление в комплексе академических исследований.

Здесь уместно сказать, что уже после смерти Г. Ф. Дебеца мы постарались опубликовать те незавершенные работы, которые остались в его архивах.

Упомянем главные: в 1970-е годы усилиями ряда сотрудников сектора была подготовлена работа Г. Ф. Дебеца «Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен» (4 п. л.), которая опубликована в качестве приложения к монографии С. А. Арутюнова, Д. А. Сергеева «Проблемы этнической истории Берингоморья» в 1975 г. В коллективной монографии «Новые данные по антропологии Афганистана, которые Г. Ф. Дебеч собирал в этой стране в 1964—1968 гг. (они были опубликованы при его жизни в виде ротапринтных выпусков ничтожным тиражом). Эти материалы безусловно бесценны, так как содержат соматологическую характеристику 86 этнических и территориальных групп населения Афганистана.

Наконец, буквально к этому мемориальному заседанию вышел сборник «Этнические связи народов Севера Азии и Америки по антропологическим данным», где опубликована подготовленная по материалам архива Г. Ф. Дебеца работа «Палеоантропология древних эскимосов Аляски (Ипиутак, Тигара)» — 12 п. л.

Занимаясь разработкой теоретических и методических вопросов палеоантропологии, Георгий Францевич до последних дней не оставлял и работы с конкретными материалами, причем, не располагая, как правило, помощью лаборантов, сам проводил огромную черновую работу по распаковке, очистке, шифровке и т. д.

Хочется сказать о необычайном обаянии научной увлеченности Георгия Францевича, неотразимо и заражающе действовавшем на его учеников. Любая черновая, и в том числе грязная, работа, которой изобилует палеоантропологическая практика, окрашивалась примером Георгия Францевича совсем в другие тона. Работая рядом с ним, все ощущали его самый живой интерес к своей работе, необыкновенную научную щедрость, неизменное дружеское внимание.

С радостью «вырывался» он в последние годы из Москвы в Новосибирск для обработки накопившихся там новых материалов. Работал на чердаке, то раскаленном, то холодном, поднимаясь на седьмой этаж по лестнице (лифт бездействовал), работал и по вечерам, и в выходные дни. Закончим отрывком из его письма:

«Новосибирск, 29 мая 1967 г.

Несколько дней радуюсь жизни. И прохладная погода (хотя и солнечная), и вид с 7-го этажа на лес, и Обь на горизонте, и стеллажи, на которых поместится не менее 700—800 скелетов... все хорошо... И сердце, как и следовало ожидать, не болит, хотя лифт в Институте истории не работает уже много месяцев и на чердак поднимаюсь пешком снизу... Ящики надо вскрывать, пакеты разворачивать, потом все укладывать (коробок нет, конечно, но обещают заказать), поэтому времени уходит уйма. Но мне дали специальный пропуск, чтобы работать и после занятий, и в выходные дни. Все это испытываю удовольствие...»

М. С. Великанова, И. М. Золотарева

* * *

По мере того как неумолимое время все больше отдаляет от нас скорбную дату 19 января 1969 г., когда нас навсегда покинул Георгий Францевич Дебеч, становится все более ясно, какой гигантской фигурой в отечественной и мировой антропологии был этот выдающийся ученый и замечательный человек, какой зияющий вакуум в нашей науке создан его безвременной кончиной — вакуум, который вряд ли может быть заполнен в обозримом будущем.

Георгий Францевич до обидного мало прожил (он ушел в 63 года). Но его сравнительно короткая жизнь была полна научного дерзания, жажды познания неизведанного, бесконечных поисков, творческого горения. Да, это была удивительная, неповторимая, совершенно уникальная личность, оставившая неизгладимый след не только в мировой науке, но и в сознании, душах тех людей, которым судьба подарила счастье быть его современниками, в течение многих лет учиться у него, работать и общаться с ним,

находиться под влиянием его могучего интеллекта и ни с чем не сравнимого научного и личного обаяния.

Помимо того что Г. Ф. Дебеч был человеком огромного творческого дарования, научной смелости и пронизательного интеллекта, он являлся необычайно яркой и колоритной личностью, чем всегда выделялся среди многих своих советских и зарубежных коллег. Эта колоритность проявлялась во всем, начиная от эффектной внешности, манеры говорить, жестов, мимики и кончая почти детской непосредственностью в выражении своих впечатлений, оценок, эмоций.

Будучи незаурядной, крупной личностью, Г. Ф. Дебеч не вписывался в привычные, традиционные представления об ученом, научном работнике. В нем не было ничего общего с «академизмом», научной сухостью, «гелертерством». Это был самобытный, темпераментный ученый, временами импульсивный, но всегда открытый, прямой, правдивый, бескомпромиссный, смело отстаивавший свои научные взгляды, без тени маневрирования, лавирования, лукавства.

Да, это была необычайно цельная личность.

Это был ученый-первопроходец, неутомимый исследователь, энтузиаст науки. Он исколесил в своих экспедиционных походах всю нашу страну вдоль и поперек, покрыл десятки тысяч километров в поездах, самолетах, на собаках, на лодках, в седле и пешком с одной только целью — узнать как можно больше о народах, населяющих нашу страну, об их антропологическом типе, их истории и происхождении, ликвидировать «белые пятна» на антропологической карте Советского Союза. Все это делалось не ради славы, не ради завоевания титулов и руководящих постов, а исключительно в поисках истины, ради торжества научного познания.

Г. Ф. Дебеч был человеком поразительного мужества и отваги, подвижником в науке. Разве не научным подвигом были многолетний сбор и исследование всех без исключения краниологических материалов по древнему населению СССР, хранившихся во многих музеях страны и обобщенных в его классическом и не имеющем аналогов в мировой антропологической литературе труде «Палеоантропология СССР» (1948 г.), ставшем настольной книгой всех советских (и не только советских) антропологов.

А беспримерная экспедиция на Камчатку и Чукотку, предпринятая им в первые тяжелейшие послевоенные годы (1945—1947 гг.) практически в одиночку, без сколько-нибудь пригодного экспедиционного снаряжения и соответствующей экипировки?! Вот уж поистине научный и человеческий подвиг, достойный великих первопроходцев, который мог совершить только такой незаурядный и преданный науке человек, как Георгий Францевич, для которого жажда познания, исследования была превыше трудностей, лишений, невзгод, даже риска для жизни!

Да, вся жизнь Г. Ф. Дебеча была безраздельно отдана науке, и не будет преувеличением сказать, что его жизнь была научным подвигом.

Я безмерно благодарен судьбе за подаренную мне возможность в течение многих лет близко общаться с Георгием Францевичем, сначала в качестве его ученика — студента кафедры антропологии МГУ в 30-е годы, а позже — сотрудника — в трудные годы войны и эвакуации университета в Ашхабад и Свердловск, когда мы особенно сблизились, да и в последующие годы, когда мы неизменно сохраняли теплые и дружеские отношения.

Незабываемым и ярким событием, запомнившимся мне на всю жизнь, была защита докторской диссертации Г. Ф. Дебечом. Это было в мае 1941 г., за месяц с лишним до начала войны. Георгий Францевич работал в то время в Институте антропологии МГУ, в секторе расоведения (в ту пору руководил сектором Я. Я. Рогинский), а по совместительству — доцентом кафедры антропологии, где читал курс «Расоведение СССР» и спецкурс «Расы верхнего палеолита». Название диссертации состояло из двух слов: «Палеоантропология СССР» (к тому времени книга была полностью закончена, но увидела свет лишь 7 лет спустя — в 1948 г.).

Значительность события заключалась в том, что то была первая публично защищаемая докторская диссертация по антропологии. К тому времени, правда, было уже два антрополога с докторской степенью — В. В. Бунак и М. А. Гремяцкий, но оба они получили эту степень *honoris causa*, т. е. без защиты, в 1936 г. Вторым обстоятельством, обусловившим значительность события, было то, что докторскую диссертацию защищал не биолог, а историк, кандидат исторических наук. Защита же происходила на Ученом совете биологического факультета на соискание ученой степени доктора биологических наук.

Все это придавало особый, необычный характер этому событию, интриговало всех нас и вместе с тем вселяло некоторую тревогу — предсказать результат всего этого дей-

ства в силу упомянутых обстоятельств было практически невозможно. Все могло случиться. Уж очень специфическая проблематика диссертации...

Итак, Большая зоологическая аудитория, май 1941 г. Среди членов Ученого совета биофака — знаменитая профессура: зоологи — Л. А. Зенкевич, С. И. Огнев, А. Н. Формозов, М. М. Завадовский, генетик — А. С. Серебровский, физиолог — И. Л. Кан, гистолог — Г. И. Роскин, ботаники — К. И. Мейер, Д. А. Сабинин, А. Р. Кизель, Л. И. Курсанов, антропологи — В. В. Бунак и М. А. Гремяцкий. Как видно из этого далеко не полного перечня, подавляющее большинство членов совета — чистые биологи: зоологи беспозвоночных, зоологи позвоночных, энтомологи, специалисты по грибам и водорослям, червям и иглокожим, рыбам и птицам. Какова будет их реакция на диссертацию, посвященную древнему населению СССР?

К кафедре подходит высокорослый молодой черноволосый человек 35 лет, с крупными чертами лица, в полувоенной форме — гимнастерке, подпоясанной широким ремнем, брюках-галифе и сапогах с крагами. Колоритное зрелище! Члены совета насторожились, что-то будет дальше? На биофаке Г. Ф. Дебеца тогда почти не знали.

Наступила напряженная тишина. Г. Ф. Дебеч громким голосом, четко и ясно изложил содержание диссертации, основные идеи его выдающегося труда. И хотя подавляющему большинству присутствовавших в аудитории (кроме, разумеется, нашей небольшой группы антропологов) проблематика диссертации была абсолютно чуждой, а терминология, особенно касавшаяся наименований древних культур («андроновская», «афанасьевская», «абашевская», «тагарская» и др.), совершенно непонятной, биологическая профессура поняла, что перед ней — ученый необыкновенно яркого таланта, обладающий к тому же обширными познаниями в области биологии и, больше того, мыслящий в отдельных случаях как биолог.

Соискателя забросали вопросами, на которые он давал содержательные и остроумные ответы. После выступления официальных оппонентов — В. В. Бунака и С. В. Киселева и ответов Г. Ф. Дебеца состоялось тайное голосование, результаты которого были встречены бурей аплодисментов. Ученый совет биологического факультета единогласно присудил историку Г. Ф. Дебецу ученую степень доктора биологических наук. Незабываемое событие!

С этого дня имя Г. Ф. Дебеца было на факультете у всех на устах, он стал едва ли не самой популярной фигурой на биофаке. И хотя кафедра антропологии сравнительно давно существовала, полное признание антропология на биологическом факультете получила лишь после этой блистательной защиты. Так что и в этом — огромная заслуга Георгия Францевича.

Вскоре после защиты Георгий Францевич отправился в очередную экспедицию, насколько помнится, в Западную Сибирь, там его и застала весть о войне. Работал он в таких глухих местах, что о начале войны узнал лишь спустя несколько дней. Потрясенный, он в последних числах июня 1941 г. возвращается в Москву, просит, чтобы его призвали в ряды народного ополчения, но руководство университета считает более целесообразным оставить его в научном штате Института антропологии. Он вместе с другими сотрудниками становится бойцом подразделений Местной противовоздушной обороны здания МГУ на Моховой. Его назначают командиром пожарного звена, он руководит действиями бойцов по ликвидации очагов возникновения пожаров от зажигательных бомб, сброшенных с фашистских самолетов. Эти обязанности, как и все, что он делал, он выполняет со свойственным ему энтузиазмом, самоотверженностью, исключительной добросовестностью и отвагой.

Находясь в эвакуации в Ашхабаде, несмотря на тяжелые условия, когда многие больше думали о своем пропитании, Г. Ф. Дебеч поглощен идеями антропологических исследований в Туркмении. Он устанавливает контакт с Туркменским филиалом АН СССР и вскоре приступает к палеоантропологическим исследованиям в республике. Вплоть до июля 1942 г., когда университет был переведен в Свердловск, он непрерывно ведет напряженную научную работу. То же происходит и в Свердловске — научные контакты с Уральским филиалом АН СССР и снова исследования, сбор научных материалов, анализ и обработка полученных данных, вынашивание планов новых научных свершений. Ни одного дня без науки, ни одного дня без строчки. Таков был Дебеч, не мысливший своего существования вне науки.

Патриот своей Родины, Г. Ф. Дебеч очень тягостно переживал, что находится в глубоком тылу и лишен возможности с оружием в руках защищать ее от немецко-фашистских захватчиков. Он рвался на фронт, неоднократно просил руководство университета и военкомат Свердловска отправить его в действующую армию. Но всякий раз получал

отказы, мотивированные тем, что ученый такого творческого потенциала, как он, должен быть сохранен для науки. В конце концов ему пришлось смириться, хотя это стоило ему больших душевных мук, доведивших его порой до состояния глубокой депрессии...

Г. Ф. Дебец достойно представлял советскую науку на международной арене. Впервые это произошло в 1956 г., когда он выехал в Филадельфию на V Международный конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН). В качестве курьера нельзя не вспомнить о том, с каким трудом коллегам удалось уговорить его сменить свою «униформу» на нормальный «цивильный» костюм — он долго упирался, но в конце концов вынужден был согласиться и с тех пор уже никогда к гимнастерке и сапогам не возвращался.

Его успех в Филадельфии, по словам участников этого конгресса, был огромен. Он там был едва ли не самым популярным делегатом. Затем Георгий Францевич был участником еще трех МКАЭН — Парижского, Московского и Токийского.

В 1964 г. на его плечи легла тяжелейшая ноша — руководство работами VII МКАЭН в Москве в качестве его генерального секретаря. С работой он справился блестяще. То, что этот конгресс по всеобщему признанию был по своей организации и содержанию самым лучшим в истории МКАЭН, — бесспорная заслуга Г. Ф. Дебца.

Но самым выдающимся достижением Г. Ф. Дебца на международной арене было его руководство Международным симпозиумом ЮНЕСКО по биологическим аспектам расовой проблемы, состоявшимся в Москве в 1964 г., сразу же после VII МКАЭН. Он провел его с подлинным мастерством и блеском. Здесь было все, начиная от безупречной французской речи и глубочайших знаний сложнейших теоретических проблем современного расоведения до дипломатического мастерства и подлинной виртуозности в умении убеждать своих оппонентов в правильности тех или иных теоретических принципов советской антропологии. А среди оппонентов были такие «киты», как К. С. Кун, Б. Ренш, Н. Барникот и другие западные ученые, которых едва ли можно было заподозрить в симпатиях к марксистской науке. Только благодаря мастерству, я бы даже сказал артистизму Г. Ф. Дебца, симпозиуму удалось принять глубоко антирасистский по своему содержанию документ — «Декларацию о биологических аспектах расовой проблемы».

Где бы ни находился Г. Ф. Дебец, на родине или за рубежом, в экспедиции или на научном совещании, он всегда становился своеобразным «центром притяжения». Благодаря своим особым неповторимым интеллектуальным и душевным свойствам, колоритности личности и ни с чем не сравнимыми научной одержимости и энтузиазму он притягивал к себе каждого, кто хоть раз имел счастье вступить с ним в научный контакт. Особенно к нему тянулась студенческая молодежь, которую он заражал своей научной страстью, любовно пестовал, приобщая к экспедиционной и научной работе. Многие из них выросли в крупных специалистов.

В центре его забот и внимания была подготовка специалистов-антропологов высокой квалификации на местах, в частности в союзных республиках. Он считал эту деятельность едва ли не самой важной — в ней он видел будущее советской антропологии. И если сейчас возникло много антропологических центров — в Закавказье (в частности, в Грузии), среднеазиатских и прибалтийских республиках, в Белоруссии и т. д., то в этом немеркнущая заслуга Георгия Францевича.

Скромность, бескорыстие, самоотверженность, высочайшая честность и порядочность, доброта, отзывчивость, постоянная готовность помочь коллеге, попавшему в беду, — все это снискало ему любовь и уважение всех, кто соприкасался с ним в работе.

В этом крупном мужчине было много детской непосредственности, и недаром его иногда называли «взрослым ребенком». Была в нем и какая-то детская незащищенность — кто знает, может быть она и явилась одной из причин его безвременной кончины.

О Г. Ф. Дебце, его делах и свершениях можно говорить очень много, и все равно всего не скажешь. Ясно одно, что советская антропология бесконечно многим обязана этому великому ученому и прекрасному человеку, имя которого еще при жизни стало легендой.

Пока на свете существует антропология, пока на Земле есть антропологи, имя Георгия Францевича Дебца всегда будет произноситься с величайшим уважением, любовью и благоговением.

М. И. Урысов

Моему поколению выпало счастье учиться у людей, юность которых и становление как ученых произошли в первые послереволюционные годы. Это было время дерзаний, время, когда все хотелось начать заново, и во многих случаях так оно и было, время, когда с наибольшей полнотой выявлялись огромные потенциальные возможности человека. Среди людей этого поколения, и это касается не только мира науки, мы знаем множество неповторимых, уникальных талантов, оставивших неизгладимый след в наших умах и сердцах. К ним принадлежал и Георгий Францевич Дебец — ученый, педагог, человек, одна возможность общения с которым была уже подарком судьбы. Мы учились в университете в трудные военные и послевоенные годы. Георгий Францевич читал на кафедре археологии МГУ курсы антропологии и каменного века. Но в нашем общении с ним лекции его, необычайно интересные, не были главным. Неповторимым и запомнившимся было каждодневное общение с ним, возможность задать и получить ответ на любой, буквально любой вопрос. Но подкупало не только это. Для молодых ведь очень важно поверить в абсолютную научную честность учителя и человека, и когда Георгий Францевич на наш вопрос отвечал: «А кто ж его знает...» (это была свойственная ему форма отрицательного ответа), мы получали не меньшее удовольствие, чем если бы он сумел удовлетворить наше любопытство. Как-то само собой получилось, что Георгий Францевич стал как бы нашим классным руководителем. Мы не только много спрашивали, мы, конечно же, еще и учились. Он придумал для нас факультативный семинар по четвертичной флоре и фауне, который нас очень увлек. Но повторю еще раз: главное было в общении с этим удивительным человеком, в возможности прикоснуться к огромному и неисчерпаемому миру его духовных интересов. Георгий Францевич был пионером и пропагандистом внедрения палеоантропологии как очень важного и нужного направления в антропологии. За десятилетия, прошедшие после выхода его книги «Палеоантропология СССР», сделано очень много, но тем заметнее, как в последнее время другие направления в антропологии берут верх, а число палеоантропологов не соответствует объему материалов, появляющихся в результате археологических раскопок. Это тем более опасно, что число раскопанных могильников в связи с размахом охранных работ растет в геометрической прогрессии и столь же неудержимо растет число неизученных антропологических материалов. А ведь это подчас большие краниологические серии, а в некоторых случаях могильники разновременны, но генетически связаны и охватывают период в несколько тысячелетий. Вот мне и кажется, что лучшим памятником Георгию Францевичу будет, если наш Отдел антропологии возьмет на себя координирующую роль в проведении палеоантропологических исследований в стране. Сделать это, наверное, не так уж трудно, так как подготавливая многотомник «Антропология СССР», Отдел антропологии уже выступил в роли объединяющего и координирующего начала.

М. А. Итина

* * *

В Ленинграде жива память о Георгии Францевиче и как ученом, и как личности. То направление краниологии, которое сейчас существует в Ленинграде, во многом — непосредственное продолжение его исследований и научных идей. Коснусь лишь одного из аспектов его деятельности — разработки методов краниологии. Методическим вопросам самого разностороннего порядка Георгий Францевич уделял постоянное внимание не только в собственной работе, но и внедряя их в практику исследований всех антропологов и, наконец, подключая начинающих специалистов к разработке тем на новом методическом уровне. Именно это направление его деятельности хотелось отметить в связи с тем, что оно реализовалось в проведенном в Ленинграде методическом всесоюзном совещании. Это было обсуждение достижений и рассмотрение дискуссионных вопросов в данной области, без которой немыслимо дальнейшее развитие науки.

Георгий Францевич для нас по-прежнему служит психологическим эталоном научной совести. Это был человек удивительной честности и строгости к себе и строгого отношения к своей работе. И он всегда стремился к сохранению истинно научного духа в работе Института. Эти качества были присущи ему в высшей степени.

Для Георгия Францевича естественной была научная щедрость: всегда он готов был поделиться материалами, опытом, знаниями, предоставить все, что было в его распоря-

жении, и с большой затратой труда и времени помогал начинающим исследователям. И это не только признак щедрости натуры и собственной силы в науке, но и показатель его искренней заинтересованности в развитии дела, безотносительно к авторству. С этим связано и другое его качество: он настолько глубоко уважал истину, увлеченно, по складу натуры стремился к ней, что всегда умел признавать свою неправоту, отказываясь от каких-то устаревших положений. Подкупал и его остро выраженный критический подход к работе — он всегда строго взвешивал вероятность предположений. Не каждый в 60 лет продолжает активно задумываться и искать как жить дальше — именно в плане самосовершенствования, чтобы это было в согласии с совестью и не примешивались бы соображения о собственном благополучии в науке и жизни. А именно это поражало меня тогда в моем возрасте. Казалось, какие могут быть поиски, сомнения у человека возраста Г. Ф. Дебеца и масштаба его личности?

В заключение хотелось бы сказать, что ярко выраженная у Георгия Францевича преданность истинной науке наперекор превосходящим обстоятельствам — это, конечно, свойство личности с развитым чувством свободы, собственной силы, одаренности и творческого склада.

Ю. Д. Беневоленская

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. П. СЕМЕНОВА

30 мая 1986 г. в г. Грозном состоялась научно-пропагандистская конференция «Л. П. Семенов — профессор-кавказовед, ученый-интернационалист (к 100-летию со дня рождения)». Она была организована кафедрой всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого, сектором археологии и этнографии Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии и Чечено-Ингушской республиканской организацией общества «Знание». В ней приняли участие специалисты из Чечено-Ингушетии, Грузии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии.

На конференции было заслушано и обсуждено более 20 докладов и сообщений, тезисы которых были заблаговременно опубликованы. Вступительное слово произнес заведующий отделом науки и учебных заведений Чечено-Ингушского обкома КПСС П. Н. Громов.

В. Б. Виноградов (Грозный) в докладе «Леонид Петрович Семенов (К 100-летию со дня рождения)» охарактеризовал значение научной деятельности и наследия Л. П. Семенова — одного из первых советских кавказоведов, внесшего неоценимый вклад в изучение истории, этнографии, археологии, фольклора и литературы народов Центрального Кавказа.

М. А. Тахо-Годи (Орджоникидзе) — племянница Л. П. Семенова, ныне профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, выступила с докладом «О формировании интернационалистских воззрений профессора Л. П. Семенова», в котором, опираясь на материалы личного архива ученого, рассмотрела факторы, оказавшие влияние на формирование мировоззрения ученого. Это быт многонационального по составу населения Владикавказа, где прошла почти вся жизнь исследователя (родился в станице Слепцовской, ныне Орджоникидзевская, Чечено-Ингушской АССР), среда демократической интеллигенции, в которой вырос будущий ученый, наконец, русский язык как средство межнационального общения.

Н. Н. Бараниченко в докладе «Вклад Л. П. Семенова в исследование доисламских верований вайнахов» показала роль ученого в изучении языческих святилищ, христианских храмов, культового инвентаря, а также пережитков доисламских верований, которые он наблюдал и фиксировал в ходе работ первых советских археолого-этнографических экспедиций в горную Ингушетию в 1925—1932 гг.

В докладе С. Ц. Умарова (Грозный) «Вайнахские исторические и генеалогические предания в записях Л. П. Семенова» были охарактеризованы интересные источники, собранные исследователем и свидетельствующие о тесном этнокультурном единстве и этногенетическом родстве народов Центрального Кавказа, подвижности этнополитических границ между ними, влиянии ислама на генеалогические предания.